

Конечно, могло быть и так, что этот человек был не обычным нищим. Но тогда как он стал нищим? В столице столько чиновников, почему он выбрал именно Цао Хуна, а не кого-то другого? Даже если семья Цао действительно оказала ему какую-то милость, разве он не понимал, что передача такой вещи своему благодетелю принесёт тому огромные риски и неприятности?

Даже если посмотреть с другой стороны, слова Цао Хуна крайне ненадёжны.

Нынешнее правительство не принимало рекомендации с мест и не открывало экзамены для отбора чиновников. Те, кто смог занять должность четвёртого ранга в столице в это время, были либо старыми подчинёнными Ци Юньхэна, либо их родственниками или учениками.

Утверждать, что за ним нет никакой поддержки, никакой опоры, что у него нет пути, чтобы доставить нефритовую печать прямо в императорский дворец?

Это просто обман для дураков!

Если бы не вмешательство Оуяна, который с логикой и доказательствами заявил, что настоящая Наследная яшмовая печать уже давно разбита, Ци Юньхэн сегодня оказался бы в крайне затруднительном положении, где признание или непризнание печати привело бы к потерям — признание печати означало бы, что он, император, менее удачлив и менее популярен, чем Цао Хун, мелкий чиновник четвёртого ранга; непризнание же оставило бы впечатление узости взглядов и намеренного искажения фактов.

К счастью, его императорский супруг, обладающий глубокой мудростью, всего несколькими словами помог ему выйти из затруднительного положения, а также заставил того, кто стоял за этим, переиграть самого себя, тем самым оказав Ци Юньхэну неожиданную помощь.

Увидев шестерых министров, Ци Юньхэн в первую очередь заговорил об этом, но акцент его слов был совершенно иным, чем в зале заседаний.

Теперь, даже если печать, подаренная Цао Хуном, была настоящей, правду нужно игнорировать и считать её подделкой. Настоящая Наследная яшмовая печать должна быть и может быть только той, что находится в руках Ци Юньхэна, и процесс её появления должен быть таким: она разбилась, а затем случайно попала к нему. Точно так же, независимо от того, допрашивали ли Ван Цзюлина, он «скажет» показания, подтверждающие это; в императорском дворце обязательно найдут остальные осколки Наследной яшмовой печати — в крайнем случае можно разбить несколько кусков нефрита, разве кто-то осмелится проверять каждый из них?

Именно поэтому подлинность печати уже не имеет значения, и главной задачей сейчас является как можно быстрее выяснить, кто и зачем задумал это.

Поскольку сегодняшней инцидент не походил на дело рук опытного чиновника, Ци Юньхэн в первую очередь подумал о остатках прошлой династии. Но в делах двора крайне нежелательно делать поспешные выводы, поэтому Ци Юньхэн не стал озвучивать свои догадки, а просто поручил Чжу Бяню и другим расследовать путь продвижения Цао Хуна, чтобы выявить его покровителей.

Разобравшись с делами прошлой династии, солнце на улице уже начало садиться.

Ци Юньхэн не стал оставлять Чжу Бяня и других во дворце для ужина, закончив дела до того, как Чжу Бянь начал жаловаться на голод.

Но когда Ци Юньхэн уже отправил шестерых министров из дворца, Чжу Бянь вдруг поклонился и с серьёзным видом попросил у Ци Юньхэна те молочные паровые пирожные, которые он пробовал в тот день.

Ци Юньхэн был поражён его наглостью и, немного подумав, подозвал евнуха Вэя, чтобы тот передал Оуяну просьбу, спросив, не согласится ли он, чтобы повара Летнего дворца приготовили пирожные для Чжу Бяня.

Евнух Вэй отправился выполнять поручение, а Чжу Бянь со странным выражением лица несколько раз оглядел Ци Юньхэна, а затем тихо пробормотал:

— Вы ведь правитель всей страны, владыка Поднебесной, как вы можете не решать такие мелочи?

— Владыка Поднебесной не может управлять едой и питьём всех людей, — раздражённо ответил Ци Юньхэн, глядя на Чжу Бяня. — Моя казна пуста, могу ли я просто одним указом забрать все богатства моих министров и пополнить казну? У меня ещё много людей, которые голодают, готов ли министр Чжу отдать свои запасы еды, чтобы накормить часть простого народа?

— Ваше Величество, я тоже человек с узкими взглядами и без великих амбиций, такие великие дела спасения народа лучше оставить тем, кто действительно заботится о стране!

Наглый ответ Чжу Бяня вызвал у его коллег лишь серию неодобрительных взглядов.

Министр финансов Вань Шань с любопытством спросил:

— Что это за пирожные, которые так поразили министра Чжу?

— Выглядят как обычные сладости, но ингредиенты настолько редкие, что вкус запоминается надолго, — объяснил Чжу Бянь, качая головой, а затем вздохнул. — Как бы я хотел поужинать в Летнем дворце императорского супруга! Если даже обычные пирожные готовятся с таким мастерством, то другие блюда, наверное, ещё лучше — Ваше Величество, может, попросите императорского супруга устроить банкет в Летнем дворце?

— Забудь, — безжалостно оборвал мечты Чжу Бяня Ци Юньхэн. — Ты сегодня так обидел императорского супруга, что он, скорее всего, захочет отомстить, а не угощать тебя ужином.

— Мстить?!

— Я его обидел?!

Голоса Вань Шаня и Чжу Бяня прозвучали почти одновременно.

Чжу Бянь взглянул на Вань Шаня и первым сказал:

— Если уж кого-то обидели, то это министра Вань, я сегодня много раз поддерживал императорского супруга.

— Министр Вань просто говорил по делу, не сказав ничего неправильного или ошибочного. А ты, без всякой причины, настоял на его присутствии на сегодняшнем собрании, нарушив его покой и дав возможность тем, кто ищет славы, оскорбить его. Это просто несправедливо, — сказал Ци Юньхэн.

— Если бы я не настоял на приглашении императорского супруга, Ваше Величество, как бы вы справились с делом о печати? — не задумываясь, парировал Чжу Бянь. — Ваше Величество должно меня щедро наградить.

— Я действительно должен тебя наградить, но императорский супруг, вероятно, так не считает, — спокойно ответил Ци Юньхэн.

Прежде чем Чжу Бянь успел ответить, Вань Шань не выдержал и вмешался:

— Характер императорского супруга... несколько эксцентричен?

— Чаще всего я слышу такие эпитеты, как «мстительный» и «мелочный», — серьёзно поправил Ци Юньхэн.

Услышав такие прямые слова, Вань Шань, который хотел что-то сказать, сразу замолчал.

— Характер императорского супруга действительно нельзя назвать хорошим, но он всегда придерживается принципа «не трогай меня, и я тебя не трону», а его знание законов превосходит даже опытных юристов. В прошлой династии он нажил множество врагов, и его неоднократно обвиняли в коррупции, но до тех пор, пока он сам не ушёл в отставку, никто не смог осудить его по закону, — Ци Юньхэн, казалось, отвечал Вань Шаню, но его взгляд был направлен на Чжу Бяня. — Именно поэтому, если кто-то пожалуется мне на императорского супруга, я в первую очередь подумаю не о том, что он сделал, а о том, что сделал жалобщик.

...

Шестеро министров с разными выражениями лиц молчали.

— Кроме того, здоровье императорского супруга тоже нельзя назвать хорошим, — продолжил Ци Юньхэн. — Для него ранний подъём — это действительно половина смерти. Поэтому, министр Чжу, не обижайся на него, у каждого есть свои слабости.

— Он, с его здоровьем? — Чжу Бянь был поражён, вспомнив мощный удар Оуяна.

Остальные пять министров, хотя и не сказали ни слова, по их выражениям было видно, что они думают то же самое.

— Здоровье императорского супруга действительно имеет проблемы, и у него до сих пор нет наследника, что связано с этим, — добавил Ци Юньхэн, используя только что услышанную информацию.

Чжу Бянь тут же пробормотал:

— У меня тоже нет сына!

Эти слова вызвали у других министров лишь вздохи.

Ты ведь даже не женат, кто бы тебе родил сына?

Пока они шутили, евнух Вэй вернулся с ответом от Оуяна: это мелочь, но на кухне, вероятно, нет готовых пирожных, и их придётся приготовить, так что Чжу Бянь должен подождать. Кроме того, раз уж другие министры тоже здесь, то не стоит выделять кого-то одного, и каждому нужно дать по порции.

Шестеро министров тут же поклонились в знак благодарности.

Ци Юньхэн, однако, почувствовал некоторое сомнение, считая, что Оуян сегодня был слишком щедрым, но, подумав, отбросил эту мысль и просто велел министрам вернуться домой, а пирожные будут доставлены в их дома дворцовыми слугами.

Проводив министров, Ци Юньхэн вернулся в задний зал, чтобы отправить Оуяна обратно в Летний дворец и поужинать там.

Оуян к этому времени уже встал, но его одежда с утреннего собрания была изрядно помята, поэтому пришлось послать за Таохун и Люлюй, чтобы они принесли ему повседневный наряд.

<http://bllate.org/book/16203/1454452>